

КАК БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ В XXI ВЕКЕ?

ХРИСТИАНСТВО. НАСТОЯЩЕЕ

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

PRO религию

Андрей Десницкий

Христианство. Настоящее

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 27
ББК 86.37

Десницкий А. С.

Христианство. Настоящее / А. С. Десницкий — «РИПОЛ
Классик», 2019 — (PRO религию)

ISBN 978-5-386-09590-1

Что значит быть христианином сегодня, в России XXI века? На каком языке рассказать о евангельской Истине и как жить с ней в мире, где всё так изменилось? Можно играть в реконструкторство, можно погружаться в мир собственных фантазий, но как встретиться с реальностью, как понять ее? Или на самом деле все перемены за две тысячи лет были внешними, а главное осталось неизменным? Но как тогда распознать его? Эта книга – поиск ответов на эти вопросы. Андрей Сергеевич Десницкий – российский филолог-библеист, переводчик, писатель, публицист. Доктор наук, профессор РАН, сотрудник Института востоковедения РАН, автор десятка книг и множества публикаций, отец троих детей и дед троих внуков. Его основная специализация – библейский перевод, во многих проектах он участвовал как переводчик, редактор или консультант. Но, говоря о современных изданиях Библии на разных языках, естественно начать разговор и о жизни тех, кто ее читает, – христиан XXI века. Им и посвящена эта книга. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 27
ББК 86.37

ISBN 978-5-386-09590-1

© Десницкий А. С., 2019

© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Предисловие	6
Приключения библии в России	8
1. Поп Упырь Лихой	9
2. Апракос Остромира	12
3. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван	15
4. Нужна ли Библия на русском?	18
5. Библейское общество и кирпичный завод	20
6. Синод и Библия	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Десницкий

Христианство. Настоящее

(Россия, XXI век)

Предисловие

В далекой юности двадцать первый век, третье тысячелетие казались чем-то немыслимо далеким, почти невозможным. Фантастические рассказы сообщали нам, что в это время человечество будет покорять дальний космос, при этом предполагалось, что войны постепенно отойдут в прошлое, а с ними, кстати, и религиозные предрассудки. Коммунизм если не будет полностью построен, то станет конечно же намного ближе.

Реальность оказалась совсем другой – достаточно сказать, что никто из фантастов не предугадал Интернета. Человек не добрался пока даже до Марса, но зато он может за доли секунды связываться с другими людьми на всех континентах. А миры братьев Стругацких устарели раньше, чем состоялись, – это были надежды шестидесятых, прекрасные и в чем-то наивные.

Зато сбылось другое, о чем не могли и мечтать лет тридцать – сорок назад русские христиане – Россия вновь стала христианской страной. Или не стала? Или это возвращение веры оказалось скорее внешним и в нем куда больше идеологии, чем Евангелия? И если так, что мы можем сделать с этим?

Когда-то советский человек мечтал о светлом будущем, теперь человек православный – о светлом прошлом. Но какое оно, наше настоящее? Да и настоящее ли оно?

Эта книга – попытка оглядеться, понять, где мы находимся и куда идем. В нее в основном включены в переработанном виде статьи, опубликованные в разных изданиях, в основном сетевых («Православие и мир», «Гефтер», «Слон», «Фома» и другие). Часть материалов была написана заново, но это в любом случае цельная книга, и если тематика ее разнообразна, то лишь потому, что такой сложный предмет, как жизнь христиан в XXI веке, невозможно обсуждать плоско и одномерно.

Мы будем говорить прежде всего о христианстве русской православной традиции, не ограничиваясь ни национальностью, ни гражданством, ни местом проживания. Те, кому дороги русская культура и православное Предание, найдут здесь много интересного, но, пожалуй, и много спорного. Эта книга не апология русского православия, а скорее взгляд изнутри на его проблемы. Впрочем, они не такие уж и уникальные, и похожее смогут сказать о себе и русские протестанты, и зарубежные католики, и вообще все, кто всерьез задумывается о сути и формах христианской жизни в начале третьего тысячелетия.

Чтобы понять настоящее, стоит взглянуть на прошлое, и потому *первая часть* этой книги – рассказ о Библии на Руси и в России. Кажется, что Библия в нашей стране была всегда. Но... какая? Церковнославянская или русская? А в какой именно редакции и в чьем переводе? Неужели она не одна, русская Библия? И возникла не сразу – может ли такое быть? И можно ли понять историю нашей страны, не зная, как именно люди знакомились с самым главным для нашей культуры текстом? Как он жил, развивался, менялся, то широко распространялся, то попадал под запрет?

По приключениям Библии в России можно изучать особенности нашей истории, культуры и религиозной жизни и писать об этом романы. В этой серии очерков я собрал лишь некоторые наиболее интересные факты и поделился собственным опытом.

Вторая часть посвящена настоящему времени, в ней говорится о поисках главных смыслов, который ведут наши современники-христиане. Как нам говорить о спасении и что оно вообще означает? Насколько абсолютен тот язык, на котором возвещалось христианское Откровение два тысячелетия назад, и что нам делать, если мы приходим к выводу, что сегодня многие вещи могут быть сформулированы иначе? Отчего христианская вера сегодня (как, впрочем, и всегда) часто подменяется модной идеологией, как распознать подобные подмены и избавиться от них?

В книге мало окончательных выводов, скорее здесь вы встретите гипотезы, зачастую, наверно, ошибочные. Но если эти разговоры кому-то помогут уточнить или сформулировать собственную точку зрения, задачу автора можно считать выполненной.

Третья часть называется «Иное тысячелетие», она говорит о будущем, точнее, о тех актуальных задачах, которые мы видим перед собой сегодня. У русских христиан нашего времени есть искушение спрятаться от неуютного XXI века в искусственном подобии века XIX, но это просто не получится, вызовы времени придется принимать и отвечать на них. Как это можно сделать? И в чем, опять-таки, опасность ухода от этих вызовов, чем заполняется «свято место», если мы оставляем его пустым?

Стоит предупредить, что это издание – не научный труд, я принципиально отказался от ссылок (большинство из них пришлось бы делать на материалы в Интернете) и библиографии, чтобы облегчить восприятие. Если какой-то цитируемый материал вас заинтересовал, вы легко найдете его полный текст, введя цитату в поисковик. К тому же большинство приведенных здесь фактов и высказываний вовсе не оригинальны – такие вещи обычно носят в воздухе и обсуждаются на стогах града, а на них точную ссылку не дашь.

В заключение я должен поблагодарить всех, кто так или иначе способствовал появлению этой книги, а прежде всего мою замечательную семью (жену Асю, детей Аню, Дашу и Сережу) и прекрасных друзей, с которыми обсуждались многие вопросы, а также всех моих собеседников в Интернете, которым хватило терпения и интереса для подобных разговоров.

Свои отзывы вы можете отправить по адресу:
a.desnitsky@gmail.com.

Память свв. апостолов Петра и Павла (12 июля) 2016 года, Янов-над-Нисой.

Приключения библии в России

Есть у книг свои судьбы (*habent sua fata libelli*) – это знали уже древние. Но когда эти судьбы обсуждают, обычно говорят, как книга писалась, редактировалась, издавалась. О создании Библии написаны тома, мы коснемся этого вопроса в 19-й главе.

Но когда книга окончательно сложилась как единый текст, это не конец, а скорее начало ее истории. И в ней отражается жизнь народов, обществ и государств, где эту книгу издают, читают, переводят – или не читают и не переводят, или делают это тайком, или сначала переводят, а потом сжигают перевод...

Такова история Библии в России. История нашего христианства, нашей книжности, нашей культуры и даже – куда от нее деться – нашей внутренней политики. А заодно наших отношений с остальным христианским миром и с самими собой. Приключения Библии в России – перед вами!

1. Поп Упырь Лихой

Именно это имя – первое, которое достоверно известно в истории Библии на Руси. И это не вымышленный персонаж антиклерикальных пасквилей, он сам так подписывался. Еще, точнее, подписывался он по-древнерусски: «Азь попь Оупирь Лихый». Очевидно, таково было его мирское имя вместе с прозвищем. Вполне возможно, был он родом из Швеции, где на рунических камнях встречается имя резчика Upir Ofeigr, Упир Неробкий. Может быть, так и перевели это имя на язык наших предков – Упырь Лихой?

В любом случае, жил Упырь в Новгороде в XI в. и был не только священником, но и переписчиком библейских книг, вернее, занимался их перекодированием с кириллицы на... кириллицу.

Надеюсь, уже достаточно запутал и заинтриговал читателя, чтобы начать распутывать этот клубок.

Как представляет себе происхождение церковнославянской Библии обычный человек? Ну примерно так: святые Кирилл и Мефодий, первые славянские книжники, придумали нашу азбуку, а потом взяли и перевели Библию на свой язык, и с тех пор она у нас есть. Только подобное утверждение будет неверно буквально в каждом слове.

Во-первых, братьев звали Константин и Мефодий, имя Кирилл старший из них принял при пострижении в схиму накануне смерти. Братья сами были не славянами, а византийскими греками и происходили из Салоник, где было много славян и все знали славянский диалект предков нынешних болгар – их потомки так и называют тот язык «древнеболгарским», и не без оснований.

Наши предки уже тогда говорили на несколько ином языке, который сегодня принято называть древнерусским. Они произносили: «горожанин, власть, один», а на Балканах говорили: «гражданин, власть, един». В русский язык, как нетрудно заметить, нередко входили и те и другие слова, причем в разных значениях. Обычно церковнославянизмы (балканский вариант) имели более торжественное значение, и, как давно отметили слависты, лозунг «Да здравствует советская власть» состоит из них целиком и полностью. На языке наших предков, древнерусском, желали бы не власти здравствовать, а волости быть здоровой.

Несколько различалась и грамматика: так, форма «лихой» – русская, северная, а вот «лихий» – балканская, южная. Почему же новгородец (и, возможно, варяг) Упырь подписывался на балканский лад? Да потому что был книжником. Книжным языком еще долго оставался именно старославянский с его болгарскими формами. До сих пор в языке соседствуют торжественное «великий» (-ий на южный лад) и обыденное «большой» (-ой на северный). Еще у М. В. Ломоносова эти различия в окончаниях прилагательных служили признаком высокого или низкого «штиля».

Далее, всей Библии на славянский язык Константин-Кирилл с Мефодием не перевели. Они начали работу с евангельских текстов, которые читались за литургией, потом добавили к ним другие необходимые для богослужения отрывки, ведь им было нужно не книги печатать, а начать богослужение на природном языке славян. Еще при их жизни им помогали «попы-скорописцы», как называет их житие, и работа, несомненно, продолжилась и после их смерти – слишком много надо было перевести, а кое-что из уже переведенного исправить за «скорописцами». Очевидно, Упырь был одним из тех, кто этим занимался.

Да, но что там насчет перекодирования? Как отмечал он сам, переписывал он книги «искоуриловицѣ», то есть с кириллицы. В какую же другую кодировку? Да тоже в кириллическую. Но KOI-8 или Windows-1251 тут совершенно ни при чем. Кириллицей, как нетрудно догадаться, называли азбуку, изначально созданную Константином-Кириллом и Мефодием. И она не имеет никакого отношения к алфавиту, которым мы пишем сегодня.

В настоящее время ученые согласны, что изобретением солунских братьев стала азбука, называемая глаголицей – туристы, посещающие Хорватию, встречаются там в изобилии сувениры с глаголическими надписями, тем более, что глаголические книги использовались для богослужения вплоть до недавнего времени на хорватском острове Крк. Как и создатели грузинского и армянского алфавитов, солунские братья придумали совершенно новые начертания букв, состоящие в основном из кружков, ломаных линий и треугольников. Сейчас их могут прочесть только специалисты.

Откуда же взялся тот алфавит, который мы называем кириллицей сегодня? Точно не известно, но зато понятно, для чего он был изобретен. Зачем придумывать новые буквы, когда в существующих алфавитах их и так уже хватало? Славянские книги переводили с греческого, так что было вполне естественно взять для них греческий алфавит, добавив особые буквы для передачи звуков, существовавших только у славян. Две буквы заимствовали и вовсе у евреев: это Ш (ср. ש) и Ц (ср. צ). Вот Упырь и переписывал рукописи на глаголице на новый лад.

Осталась последняя загадка про Упыря Лихого. Если он действительно шведский руно-резчик Упир Неробкий, почему в Новгороде он не служил в княжеской дружине, как все поря- дочные варяги, а занимался книжным делом? Конечно, нам его биография не открыта, но одна догадка все же есть...

Не известно, была ли у славян письменность до Константина-Кирилла и Мефодия. В разных источниках встречаются упоминания каких-то знаковых систем, например, в X веке болгарский черноризец Храбр сообщал, что прежде славяне пользовались некими «чертами и резами». Совершенно не обязательно это был алфавит в нашем понимании, скорее некая система условных знаков, например, родовых клейм, которыми метили скот и прочее имущество.

Но вот в житии тех самых Константина и Мефодия говорится, что еще прежде славянской миссии Константин нашел в Херсонесе Таврическом (нынешний Севастополь) «Евангеліе и Псалтирь роусьскими письмены писана». А это уже означает наличие полноценной системы письменности, на которой можно создавать самые сложные тексты.

Да, но что такое «русские письмена»? Русью в те времена называли в основном варягов, распространена гипотеза, что само это слово происходит от древнескандинавского корня гор- со значением «гresti веслами». Возможно, так называли отряды викингов, поднимавшихся на своих судах по рекам в славянских землях. Так это или не так, мы не знаем, но вдруг... речь действительно идет о неких скандинавских письменах, которые использовались в том числе и славянами? В Скандинавии к тому моменту уже давно было свое руническое письмо, варяги со славянами тесно общались, и один из них – к примеру, тот же Упир Неробкий – вполне мог осесть в Новгороде, чтобы заниматься своей основной работой: переписыванием текстов. Изучил постепенно славянский язык и две его азбуки...

К сожалению, всё это чистейшей воды домыслы и проверить их при нынешних данных у нас никакой возможности нет.

Да, а откуда мы вообще знаем про попа Упыря Лихого? Из небольшой приписки, сделанной им в конце собственной рукописи с ветхозаветными пророчествами: «Слава тебѣ Г(оспод)и Ц(а)рю небесный, яко сподоби мя написати книги си ис коуриловицѣ кн(я)зю Влодимиру Новѣгородѣ княжащю сынови Ярославлю болшему. Почахъ же ѣ писати в лѣто 6555 м(е)с(я)ца мая 14. А кончах того же лѣта м(е)с(я) ца декабря въ 19. Азъ попъ Оупиръ Лихый. Тѣмъже молю всѣхъ прочитати пророчество се. Велика бо чюдеса написаша намъ сии пророци в сихъ книгахъ. Здравъ же княже буди въ вѣкъ живи, но обача писавшаго не забывай». Датировка от сотворения мира соответствует 1047 году по нашему летоисчислению.

Что интересно, сама рукопись Упыря до нас не дошла, как это часто происходит с древними рукописями, его имя просто осталось в рукописях более позднего времени. Но

писавшего мы действительно не забыли, как и просил древнерусский книжник поп Упырь Лихой.

2. Апракос Остромира

Если Упырь был первым переписчиком, чье имя мы знаем, то первым известным нам спонсором или заказчиком книжной продукции на Руси был новгородский посадник (говоря нынешним языком – мэр Новгорода) по имени Остромир.

Его имя известно нам из приписки в конце книги XI в. от имени переписчика, диакона Григория: «Написахъ же еу(ан) г(е)ліе се рабоу Б(о)жию нареченоу сушоу въ кр(е)щении Иосифъ а мирьскы Остромирь». Как и в случае с Упырем Лихим, книга была создана в северной столице Древней Руси.

Примечательно, что сохранилось в истории именно «мирское», то есть природно-славянское его имя. Впрочем, так же было и с князьями: Владимир Мономах был в крещении Василием, а Ярослав Мудрый – Георгием, но кто узнает их под этими именами? Тогда было принято брать при крещении церковное имя из святцев, а в быту пользоваться прежним, славянским. И даже первые канонизированные русские святые, братья Борис и Глеб, вошли в святцы с родными, а не крестильными именами – в крещении их звали Роман и Давид.

В чем-то ситуация походит на современное использование ников и всяческих прозвищ: официальное имя у человека есть, но знают его все под другим прозвищем. Заметим, что у балканских славян и по сю пору в ходу славянские имена, и даже в храме во время литургии у сербов слышишь, к примеру, как причащаются Драган или Милица.

В скобках стоит заметить, что сама возможность использовать в церкви славянский язык стала в свое время предметом острой полемики среди христиан. Еще при жизни св. Константина-Кирилла и Мефодия против этого возражали немецкие епископы. С их точки зрения, выразить Божественную истину или обратиться к Господу с молитвой можно было только на трех языках, на которых написана табличка на Христовом распятии: еврейском, греческом и латинском.

Тогда солунским братьям пришлось прибегнуть к авторитету римского папы, чтобы эта точка зрения была объявлена «ересью триязычников». Было официально решено, что любой язык может использоваться в проповеди и богослужении. Всё переменялось с тех пор: Рим и Константинополь утратили общение, в Риме долгие века служили только на латыни и возражали против переводов Библии на народные языки, а вот почитатели славянского текста... Многие из них сегодня придерживаются своего рода «четырёхязычной ереси»: к трем священным языкам они добавили четвертый, самый-самый священный, славянский, и считают невозможным молитву на русском. Так почитатели трудов Кирилла и Мефодия, по сути, выражают полную солидарность с их противниками.

Впрочем, мы отвлеклись от Остромира и его Евангелия. А каким оно, кстати, было? От Матфея, Марка, Луки, Иоанна? Да от всех понемногу. Это было Евангелие-апракос – так называли сборники евангельских текстов, читаемых за богослужением по воскресным и праздничным дням (отсюда и название «апракос», буквально «недельное», для тех дней, когда не делается никакая работа). Тексты идут не в каноническом порядке, а в соответствии с богослужебным календарем, начиная с Пасхи.

Зачем же посаднику Остромиру такой сборник богослужебных чтений? Чтобы заранее прочитывать евангельский отрывок до того, как он придет на службу? Вовсе нет. Грамотных было мало, книги были дороги, и держать дома собственную копию пусть даже самой главной библейской книги, Евангелия, не могли себе позволить и состоятельные люди... или, вернее, не считали нужным. Зачем, если этот текст и так прочитывается за богослужением? Единственное разумное назначение для такой книги – пожертвовать ее храму или монастырю, что, очевидно, и было сделано в данном случае, «на утешение многим душам христианским», как гласит та самая надпись в конце книги.

Евангелие и вообще Писание было для наших предков не книгой, стоящей на полке, а книгой, читаемой и толкуемой в церкви. Но как же научить самих проповедников и толкователей? Для них существовали еще и толковые (комментированные) тексты, где собственно библейские цитаты сопровождались пояснениями из Святых Отцов. Например, Откровение Иоанна Богослова, которое за богослужением не услышишь, наши предки читали в основном в толковании св. Андрея Кесарийского. Интересно, что при этом никто никогда не пытался привести к единообразию различные версии библейского текста: толкования переводили заново или переписывали вместе с библейскими цитатами и не проверяли при этом, так ли выглядят эти цитаты в других изданиях, тех же богослужебных. Текст существовал одновременно в разных вариантах, каждый использовался для своих целей.

Более того, изменялся со временем и сам церковнославянский текст. Можно предположить, что, если бы Кирилл и Мефодий побывали на нашем богослужении, они поняли бы далеко не всё из прочитанного, особенно в нашем произношении. Буква ять (ѣ) в России читается как Е, а на западе Украины – как И, в Южной Сербии и Черногории ее могут прочитать и вовсе как дифтонг ИЕ, в соответствии с тем, какие звуки возникли на месте этого славянского звука в соответствующих языках: у нас «девушка на речке», на Украине «дівчина на річці», в Южной Сербии, Боснии и Черногории «дјевојка на ријечи». Некогда писалось: «дѣва на рѣцѣ», – но уже тогда разные славяне могли произносить эти слова по-разному.

Впрочем, изменения касались не только диалектов. Сегодня в славянских текстах мы видим привычное слово «церковь», но в древности оно писалось как «црькы» и соответствующим образом произносилось (буква Ъ обозначала краткий гласный звук). С течением времени современное начертание и произношение вытесняло старое, традиционное, и этот процесс продолжается до сих пор.

Итак, Остромирово Евангелие – апракос, сборник богослужебных чтений, начиная с Пасхи. Стало быть, на самой первой странице мы обнаружим хорошо нам знакомые слова из первого стиха Евангелия от Иоанна: «В начале было слово...»? Не так. В Остромировом Евангелии на этом месте стоит: «Искони бѣ слово». Здесь было использовано *исконное* слово «искони», но следующие переписчики выбрали вариант «в начале», потому что он ближе к греческому. Редактировался текст и при сверке с греческим оригиналом, и ради исправления ошибок, и ради большей понятности.

Впрочем, и по сю пору в славянской Библии многое выглядит неясным: так, в псалме 118, стих 83 псалмопевец говорит, что он был «яко мехъ на слане», и мало кто может понять, о чем вообще идет речь. Может быть, о покрытых мехом слонах, то есть мамонтах? Русский Синодальный перевод дает здесь вариант «мех в дыму», но это не намного понятнее. Наконец, современный перевод библейского общества уточняет: «закоптившийся бурдюк». Речь идет о мехе или бурдюке, в который наливали жидкости, пока он был эластичным, но он долго висел над очагом и потому прокоптился, почернел, задубел, годится только на выброс.

Немало было в переводе и прямых ошибок. Так, в 17-й главе Деяний описывается, как апостол Павел выступал в афинском совете, носившем имя Ареопаг, буквально «холм Ареса». Переводчики или переписчики в Афинах не бывали, холма этого не видели, а греческое слово πῦλος означало не только «холм», но и «стужу». В результате появился перевод: «Ариевъ ледъ». Получилось, что апостол проповедовал среди каких-то ледяных глыб, по-видимому, принадлежащих еретику Арию. В более поздних редакциях этот лед был, конечно, исправлен, и теперь мы обнаружим там «Ареопагъ». И что самое интересное – такое разнообразие текстов никого не удивляло, не заставляло рассуждать о «единственно правильном» издании, с которым должны сверяться все остальные. Ну, во-первых, в те времена, когда книги переписывались от руки, это было бы просто нереально. Но есть тут и другая причина: библейские рукописи и должны были выглядеть по-разному, потому что предназначались для разных целей.

А вот полная Библия на Руси появилась четыре с половиной века спустя после Остромирова Евангелия.

3. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван

Итак, в древней Руси, строго говоря, не было никакой Библии – только отдельные издания библейских текстов, прежде всего приспособленные для богослужбных целей, иногда с толкованиями, и уж самый редкий случай – это текст в чистом виде, с книгами в привычном нам порядке.

Идея полной Библии как единой книги была чисто западной, и такой же оказалась вся практика ее воплощения. Нет, разумеется, полная Библия под одной обложкой появилась отнюдь не в Западной Европе, нам прекрасно известны кодексы IV–V веков: Александрийский, Ватиканский, Синайский. Они были созданы в позднеримской или ранне-византийской, кому как привычнее, империи, но до Руси не добрались, и, судя по всему, сама идея такого издания оставалась для наших предков практически неизвестной.

Всё изменилось с изобретением книгопечатания. В середине XV в. стали выходить первые печатные издания Библии, а значит, не только полные собрания библейских книг, а целые тиражи совершенно одинаковых текстов. Так появилось представление не просто о единичном кодексе, но о стандартном издании, с которым можно сверяться, на которое стоит ориентироваться при подготовке прочих книг, будь то богослужбные или комментированные.

Кроме того, такое издание стоило дешевле и могло стать частной собственностью в доме богатой семьи – до сих пор библейские тексты хранились в основном при храмах и в монастырских библиотеках. Люди постепенно привыкали просто читать Библию для себя, пусть пока такое могла позволить себе лишь верхушка общества... На Западе это со временем приведет и к распространению переводов на национальные языки, и к Реформации, и к возникновению библеистики как науки.

Но пока что вернемся в Россию, и разумеется, в тот же самый Новгород, где переписывал книги с глаголицы на кириллицу поп Упырь Лихой, где заказывал диакону Григорию евангелие посадник Остромир, а что для нас еще важнее – где в конце XV в. гостили с товарами ганзейские купцы, привозя с собой печатные книги, прежде всего Библию.

Именно там и именно тогда распространяется и загадочная ересь жидовствующих, о которой нам сегодня мало что известно. Возможно, ее сторонники внимательно прочитали и слишком буквально восприняли Ветхий Завет, с которым и решили теперь сверять свою духовную жизнь, включая ее обрядовую сторону.

Главным борцом с этой ересью стал новгородский архиепископ Геннадий, канонизированный святой. Часто приводят цитату из его письма московскому митрополиту Зосиме, где он призывает последовать примеру «шпанского короля» и безжалостно жечь еретиков. Согласно летописным источникам, некоторых-таки сожгли по его приказу – вот каким было тогда западничество! Но мало кто знает, что именно он осуществил издание первой полной Библии на Руси – правда, пока еще рукописное.

Это издание получило название Геннадиевской Библии. Казалось бы, чего проще: собрать по церквам и монастырям все рукописи, отобрать самые надежные... Но удалось найти далеко не все книги Ветхого Завета. Часть пришлось переводить заново с латинских изданий, этим занимался католический монах из Хорватии по имени Вениамин. И таким бывало русское западничество в XV в., оно же тогдашнее панславянство.

А книги Есфирь и Песнь Песней, судя по всему, были переведены... и вовсе с еврейского, мы даже не знаем, кем именно. А как же борьба с жидовствующими, главная битва святителя Геннадия? Но одно дело – текущая церковная политика и борьба с еретиками, а другое – почтение к первоисточникам. Собственно, не от того ли возникают и распространяются ереси, что люди не читают первоисточников или трактуют их неверно, в искаженном понимании? Просвещение – главное орудие против ереси.

Но Геннадиевская Библия была рукописной, и, значит, она никак не могла стать национальным стандартом. Сколько с нее было сделано списков, мы точно не знаем, но ее роль огромна, потому что именно она была со временем положена в основу первой печатной Библии на Руси, а значит, всех последующих изданий церковнославянского текста, включая и тот, что стоит у нас с вами на книжной полке.

Вскоре после этого был предпринят и еще один очень интересный проект, не имевший, впрочем, особого влияния на ход истории. В 1517 году в цесарском городе Праге начала издаваться «Бивлия Руска, выложена докторомъ Францискомъ Скориною изславнаго града Полоцка, Богу кочти и людемъ посполитымъ к доброму научению». Правда, это была далеко не вся Библия, а лишь отдельные ветхозаветные книги, в 1525 году в Вильне (совр. Вильнюс) был напечатан также «Апостол» в версии Скорины. Что же это была за «Бивлия Руска»? Церковнославянский текст, исправленный по венецианским изданиям самого начала XVI в. и с сильным влиянием белорусских диалектов, хорошо знакомых половчанину Скорине. Так что сам его язык можно при желании назвать старобелорусским или церковнославянским белорусского извода, кому как больше нравится.

Скорина, несомненно, был гуманистом и просветителем, но какой держался веры – никто не знает. Одни считают его католиком, другие – православным, третьи – униатом, а некоторые источники прямо называют гуситом, то есть сторонником зарождавшейся в Европе Реформации. Да и в самом деле: имя у него явно не православное, его идея печатать Библию на народном языке совершенно не католическая, а что до гуситов и реформаторов, так он был слишком большим конформистом. Скорее всего, Скорина был просто ученым знатоком, белой вороной своего времени. Да и что за проект: Библия, с одной стороны, русская, национальная, а язык все-таки ближе к церковнославянскому, чем к говору града Полоцка XVI века! Сплошной компромисс, не принятый в ту эпоху ярких контрастов и незаслуженно забытый по сей пору.

А вот о Геннадиевской Библии такого не скажешь. Списки с нее легли в основу первого печатного издания Библии на церковнославянском. Его осуществил знаменитый первопечатник дьяк Иван Федоров, и называется эта Библия Острожской, поскольку вышла в городе Остроге в 1581 году. Книга вышла в свет по благословению православного епископа и под покровительством православного князя Константина Острожского, но происходило все на территории Литовского княжества (сегодня Острог принадлежит Украине). Все же слишком подозрительно выглядела деятельность московского первопечатника для московских же ревнителей благочестия: новшество, западничество, почти что колдовство... Пришлось переселяться в ближнее зарубежье. Так первая печатная Библия на Руси оказалась чистой воды «тамиздатом».

Зато она действительно стала национальным стандартом – именно ее многократно переиздавали, теперь уже в Москве. Ей доверяли настолько, что не считали нужным сколь-нибудь серьезно редактировать. Реформатор патриарх Никон, стремившийся привести всё к полному соответствию с греческими образцами, задумывал, правда, такую редактуру, но не успел взяться за нее всерьез. Отметим, что при нем «возвращение к истокам» проходило под западным влиянием: ученых монахов выписывали для книжной справки в основном из Киева, образование они получали в том числе у иезуитов, и заглядывали они не только в греческий, но и в латинский текст. Впрочем, в ходе реформ Никона сразу началось такое, что всем как-то стало не до тонкостей библейской текстологии. В результате московское издание 1663 года (время взлета Никона!) фактически повторяет Острожскую Библию.

А последняя серьезная ревизия церковнославянского текста была инициирована вовсе не патриархом Никоном, а другим великим реформатором: «В Московской типографии печатным тиснением издать Библию на славянском языке, но прежде тиснения прочесть ту Славянскую Библию и согласить во всем с Греческою». Никон был бы доволен формулировкой, но принадлежит этот указ не ему, а Петру I, он был дан в 1712 году. Впрочем, такие проекты быстро не делаются, особенно у нас. Работа то начиналась, то прекращалась, попутно выяс-

нялось, что с греческими изданиями слишком уж много расхождений... Да стоит ли овчинка выделки?

Например, один из русских иерархов того времени и ныне почитаемый святой, митрополит Арсений Мацеевич, считал: «Ежели рассудить в тонкость, то Библия у нас и не особо нужна. Ученый, ежели знает по-гречески, греческую и будет читать; а ежели по-латыни, то латинскую, с которой для себя и для поучения народу российскую, какая ни есть Библия, будет исправлять. Для простого же народа довольно в церковных книгах от Библии имеется». Еще одна характерная черта того времени: богословское образование было скроено на католический лад и опиралось на латинские тексты.

И снова, как и в случае с архиепископом Геннадием, видим с неожиданной стороны известного в истории церковного деятеля – митрополит Арсений отказался в свое время присягать императорам как «крайним судиям» церкви, что, впрочем, не вредило его карьере, пока он не выступил против отчуждения церковных владений Екатериной II. Тогда он был сослан в монастырь, продолжил там критиковать императрицу, был посажен в крепость, где и скончался. В 2000 году был канонизирован как священномученик.

И вот этот обличитель цариц, этот носитель библейского пророческого духа не видел смысла в существовании славянской Библии?! Трудно бывает понять человека, жившего два с лишним столетия назад, но, видимо, он был противником всякой секуляризации: от распространения Писания среди простого народа и до отнятия у монастырей деревень с крепостными. А может быть, он просто мечтал о возвращении в те времена, когда простой народ слушал чтения из Писания в храме и ему того хватало?

И все же императрица Елизавета решила довести до завершения и это начинание своего отца. В 1751 году исправленное издание увидело свет, теперь его называют Елизаветинской Библией. Это было последнее исправление церковнославянского текста в России, с тех пор и по сей день переиздается именно этот текст, иногда с косметической правкой. Периодически заходит разговор о необходимости создать новое издание, с учетом всех достижений современной науки, но пока что разговорами дело и ограничивается.

Хорош или плох этот текст, но с XIX века речь всерьез зашла о необходимости Библии «для поучения народу» – перевода на русский язык.

4. Нужна ли Библия на русском?

Сегодня почти в каждом доме, где читают по-русски, есть Библия на русском языке, и если задать вопрос «зачем?», хозяева удивятся. Можно Библию не читать (большинство и не читает), но надо же иметь ее у себя на полке, по крайней мере, как классическое произведение мировой литературы, если не как Священное Писание. Причем, разумеется, не в оригинале, и даже не на церковнославянском, а на природном нашем языке – русском.

Всего пару столетий назад эта мысль казалась многим революционной хотя бы потому, что такой Библии не было на свете. В 1824 году А. С. Пушкин из Михайловского отправил заказ брату в Петербург: «Библию, библию! и французскую непременно!» Трудно понять из этой фразы, собирался ли Александр Сергеевич читать только французский перевод или он просил прислать две книги: одну (по умолчанию) церковнославянскую, а другую – французскую, для понимания. Русской еще просто не существовало.

Образованное общество могло справиться в трудных случаях с французским или иным западным переводом. А остальные? Нужна ли была им Библия на современном русском языке? Как уже было сказано, еще в XVIII веке митрополит Арсений Мацеевич считал, что даже на церковнославянском издавать полную Библию не стоит.

Впрочем, это не означает, что попыток перевода вовсе не было. Отдельные отрывки из Библии, а точнее, псалмы публиковались на русском в вольном переложении еще с конца XVII века. Такие переложения сочиняли Симеон Полоцкий (1680 год), Авраамий Фирсов (1683 год), Василий Тредиаковский (1753 год), но это все же были личные эксперименты – скорее вольные размышления поэта над страницами славянской Псалтири, нежели кропотливый труд переводчика. Подобные опыты продолжаются и в новое время – последнее поэтическое переложение псалмов подготовил Наум Коржавин.

Как уже говорилось прежде, в Средние века никто не ожидал от рядовых верующих, что они дома раскроют Библию и станут ее читать: книги были исключительно редки и дороги, да и грамотных было мало. С первой проблемой покончило массовое книгопечатание, со второй – эпоха Просвещения, по крайней мере, в Европе. Особенно изменилось положение дел после Реформации, которая предложила каждому христианину самостоятельно обращаться к Писанию, а значит, читать его на своем родном языке.

Волны Реформации докатились до России при Петре I. Есть сведения, что именно в его царствование Библию переводил на русский язык немецкий пастор из ливонского города Мариенбурга (совр. Алуksне в Латвии) по имени Эрнст Глюк, но этот перевод, если он вообще существовал, бесследно пропал после его смерти в 1705 году. От пастора зато остался латышский перевод Библии, а России он подарил совсем иное: свою воспитанницу Марту Скавронскую, она же государыня Екатерина I.

Трудно сказать, что там происходило на самом деле, переводил ли пастор Библию на русский или только собирался, и если переводил, сколько успел перевести и почему его черновики бесследно пропали. Но вряд ли имел бы успех этот перевод остзейского немца на язык, который был для него не родным и даже не первым иностранным. Как и многие иные начинания петровской поры, его перевод выглядел бы как нечто чужое, перенесенное на русскую почву из германской культуры – такие вещи с трудом приживаются даже в технической сфере, что уж говорить о духовной области.

Да и русского литературного языка в ту пору еще, по сути, не было. Был церковнославянский, был официальный язык государевых указов, был язык технических инструкций (где каждое второе слово было иноземным), и был, разумеется, просторечный, разговорный язык – в каждом городе свой. На какой именно язык мог переводить пастор Глюк священный текст? Ему предстояло (как он сделал с латышским, а до него – Лютер с немецким), по сути, создать

новую версию литературного русского языка... и вряд ли бы он справился с этой задачей, вряд ли страна бы приняла его изобретение.

Русскому литературному языку еще только предстояло появиться, и те, кто его создавал, в отличие от Лютера в Германии, вовсе не горели желанием сделать текст Писания доступным каждому христианину – слишком много у них было других задач, да и сопротивление материала было велико. Антиох Кантемир изображал в своей сатире одного такого противника новшеств:

Как, – говорит, – Библию не грешно читать,
Что она вся держится на жидовской стати?
Вон де за то одного и сожгли недавно,
Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно.
Ой нет, надо Библии отбегать как можно,
Бо, зачитавшись в ней, пропадешь безбожно.

Речь, конечно, шла о Елизаветинской церковнославянской Библии, но тем страшнее показался бы ценителям старины русский перевод. Зато в начале XIX века в протестантских странах Европы, начиная с Великобритании, возникло новое движение – библейские общества. Всё началось, как часто бывает у англосаксов, с истории про *damsel in distress* – про бедную, но благочестивую девушку по имени Мэри Джонс, которая копила деньги, чтобы купить собственную Библию, но не смогла найти ее в продаже в ближайшем магазине и вынуждена была прошагать двадцать миль в ее поисках, причем босиком.

Благородные джентльмены, услышав о ее странствии, приняли в 1804 году истинно британское решение – учредить особое общество, которое обеспечит возможность подобным девушкам и всем остальным беспрепятственно приобрести экземпляр Писания на родном языке и по сходной цене, причем действовать это общество собиралось не только на территории Британии, но и за рубежом. Забегая вперед, скажу, что в России ему удалось сделать немало.

Это была эпоха наполеоновских войн, и Россия вышла из нее полноценной европейской нацией. Не только русская армия оказалась сильнее *la Grande Armée*, но и народ сумел, преодолев сословные различия, выступить как единое целое, защищая свою страну. А без чего европейской нации начала XIX века невозможно обойтись? Помимо всего прочего, без национальной Библии.

Она была у французов, немцев, англичан, даже в небольших «придунайских княжествах» (родных краях Кантемира) читали свои румынские переводы еще с XVI–XVII веков... И только храбрые россы, чей гром победы раздавался на всю Европу, были лишены этого национального символа. Да и не только символа, важнейшего источника развития литературы и культуры любого христианского народа – достаточно вспомнить, как много библейских мотивов у того же Пушкина. И всё это – из французской Библии? А ведь были в русской литературе уже и Ломоносов, и Державин, и Карамзин...

Очень кстати пришлось тут и мистические настроения императора Александра I, который в то же время был открыт иноземным влияниям. Словом, вскоре после изгнания Наполеона, Александр I принял два решения, коими пожелал отблагодарить и прославить Творца: построить в Москве храм Христа Спасителя и учредить в России библейское общество. Интересно, что пока работало это общество, не строился храм, а затем, когда общество закрылось, то и храм был построен. Так уж оно у нас повелось на Руси: стены строим или в смысл вникаем мы обычно по отдельности.

5. Библейское общество и кирпичный завод

Итак, к тому моменту, когда А. С. Пушкин в 1824 году просил прислать ему французскую Библию, уже восемь лет как было принято решение на самом высоком уровне: русской Библии быть! Но от решения до того дня, когда в синодальной типографии будет отпечатан тираж этой самой Библии, пройдет шесть десятилетий. Будь у этого издания хоть какое-нибудь предисловие, в нем наверняка была бы изложена долгая и трудная история этого труда, названы имена переводчиков и редакторов, подробно разобраны аргументы всех тех, кто стремился выпустить это издание в свет, и всех, кто этому противился... Или слишком тут было все неоднозначно, чтобы выносить такое на публику? Может быть, потому и не было в книге никакого предисловия?

Решение подготовить русский перевод Святейший синод принял по предложению императора Александра I в начале 1816 года, сразу после окончания наполеоновских войн. Работа была поручена новооткрытому Российскому библейскому обществу, тогда исключительно популярному в обществе благодаря высочайшей протекции. И работа закипела: уже в 1819 году было издано Четвероевангелие, а в 1821 году – полный Новый Завет. Первые издания были параллельными с русским и славянским текстом. Началась работа и над Ветхим Заветом, при этом изначально перевод делался с еврейского текста, а при редактировании добавлялись в квадратных скобках варианты из греческого перевода (Септуагинты). В 1822 году впервые вышла Псалтирь, причем за два года ее тираж составил более ста тысяч экземпляров.

Однако с самого начала переводческую работу сопровождали ожесточенные споры: да нужна ли она вообще? Главными сторонниками перевода были на тот момент обер-прокурор и министр просвещения князь А. Н. Голицын, а также ректор Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрит Филарет, будущий митрополит Московский. Благоклонно относился к нему и митрополит Петербургский и Новгородский Михаил Десницкий.

Но были у перевода и противники, причем споры эти не утратили своего значения и по сей день. Правда, теперь никто не сомневается в возможности и даже необходимости русского перевода Священного Писания, но все те же самые аргументы выдвигаются сегодня в иных спорах, которые, как знать, лет через сто или двести покажутся нашим потомкам такими же странными и неуместными.

Главными критиками тогда были митрополит Серафим Глаголевский и министр просвещения адмирал А. С. Шишков (тот самый, который галоши желал непременно звать мокроступами). Они были не просто недовольны качеством перевода, а отрицали саму необходимость какой-либо Библии для русских читателей, кроме церковнославянской, тем более что в библейском обществе трудились далеко не одни православные. Шишков писал (и эти слова по сей пору охотно перепечатываются православными ревнителями): «Рассеиваемые повсюду в великом множестве Библии и отдельные книги Священного Писания, без толкователей и проповедников, какое могут произвести действие?... правила апостольские, творения Святых Отцов, деяния святых соборов, предания, установления и обычаи церковные – одним словом, все, что доселе служило оплотом Православию, все сие будет смято, попорано и ниспровержено. Всякий сделается сам себе толкователем Библии и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгнется от союза с церковью».

Победа в споре была обеспечена той стороне, которую гласно или негласно поддерживал император. Сначала само его желание увидеть этот перевод изданным было лучшим аргументом в пользу всего предприятия, но... «дней Александровых прекрасное начало» сменилось усталостью и раздражением от всех этих новшеств. А мистические увлечения былых дней стали казаться консервативному духовенству всё более подозрительными, тем более что петербургская аристократия и в самом деле увлекалась духовностью самого разного рода, не всегда

совместимой с православием. Сам Голицын, как и многие представители аристократии в те годы, был масоном.

А главное, получившийся перевод Нового Завета был слишком непохож на церковнославянский – и то была сознательная установка переводчиков! Они, в частности, руководствовались такими правилами: «греческого текста, как первоначального, держаться в переводе преимущественно перед славянским; величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности». Всё это выглядело крайне подозрительно.

К тому же умершего митрополита Михаила в 1821 году сменил на кафедре митрополит Серафим, противник всего, что касалось перевода. Он добился отставки Голицына в 1824 году – как раз когда Пушкин просил французскую Библию! – и всё посыпалось: библейское общество было закрыто, переводческая работа прекращена, и в конце 1825 года свежееотпечатанный тираж первых восьми книг Ветхого Завета на русском был сожжен на кирпичном заводе.

А дальше началось царствование Николая I, и о всяких сомнительных новшествах полагось крепко-накрепко забыть. Зато в его годы было исполнено другое повеление Александра I, данное им в те же победные дни зимы 1812/13 года, что и указ об учреждении Библейского общества в России: началось строительство храма Христа Спасителя в Москве.

Впрочем, продолжалась и неофициальная работа над переводами: Новый Завет уже существовал, так что те, кто радели о переводе, занимались Ветхим. В то время в Европе все новые переводы делались исключительно с еврейского Масоретского текста, который считался тождественным оригиналу. Но в православной традиции огромную роль всегда играла греческая Септуагинта, которая во многих местах отличается от Масоретского текста, не говоря уже о том, что в ней есть книги, еврейские оригиналы которых до нас просто не дошли. Они не входят в протестантские издания, но в православных они печатаются. И что делать с церковнославянским переводом, который используется за богослужением и с греческим не всегда совпадает? Единого мнения не было.

В николаевскую эпоху было два главных переводчика: кабинетный ученый и полевой миссионер. Первый – это протоиерей Герасим Павский, ставший еще в 1819 году основным редактором первого официального перевода. Затем он преподавал древнееврейский язык в С.-Петербургской Духовной Академии. На занятиях широко использовались подготовленные им учебные переводы некоторых пророческих и поэтических книг Ветхого Завета, где, помимо всего прочего, отрывки из пророческих книг располагались не в каноническом, а в хронологическом порядке, в соответствии с представлениями ученых того времени, строго с Масоретского текста. Переводы показались студентам настолько интересными, что их литографические копии стали расходиться за пределами Академии и даже С.-Петербурга. Один экземпляр хранится сегодня в Исторической библиотеке в Москве.

В результате на вольнодумца был написан донос и в 1841 году было проведено синодальное расследование. О. Герасим остался преподавать в Академии, но о всякой переводческой деятельности должен был на долгое время забыть. Впоследствии в журнале «Дух христианина» в 1862–1863 годах, уже в ходе подготовки Синодального издания, вышли его переводы некоторых исторических книг Ветхого Завета и Притчей.

Другой переводчик – архимандрит Макарий Глухарев, просветитель Алтая. Живя в основанной им миссии в алтайских предгорьях, он не только переводил Писание на язык местных кочевников (потомки которых сегодня хранят о нем самую теплую память), но и думал о необходимости русского перевода Ветхого Завета. Для начала Макарий написал о своих предложениях московскому митрополиту Филарету (сегодня оба они прославлены как святые), но поскольку ответа не было, он с 1837 года приступил к самостоятельной работе, пользуясь отчасти литографиями Павского. Результаты своих трудов он сначала отсылал в Комиссию духовных училищ, а затем и непосредственно в Синод, с особыми разъяснениями.

Тон его послания к Синоду – под стать книге Исаяи, которую оно сопровождало. Макарий обличает Синод за нежелание порадеть в деле духовного просвещения России, называет бунт декабристов, наводнение в Петербурге и прочие бедствия прямым следствием этого нерадения. Те же слова повторяет он без стеснения и в письме самому императору Николаю I! Ответом была епитимья: ежедневно служить литургию – и сданные в архив черновики переводов. Впрочем, митрополит Филарет после этой истории обратил внимание на Макария и написал ему подробный ответ, суть которого сводилась к одному тезису: еще не настало время.

Упорный миссионер продолжил работу и перевел полностью Ветхий Завет, кроме уже давно изданной Псалтири; переводы после его смерти были напечатаны в «Православном обозрении» за 1860–1867 годы и использовались при подготовке Синодального издания. Эти переводы полностью следуют древнееврейскому тексту. Особенно ценят их сегодня свидетели Иеговы, поскольку в них употребляется не привычное нам слово «Господь», а имя «Иегова».

Был один теоретик перевода – сам митрополит Филарет. Хотя он и не ответил на письмо Макария, но разрабатывал методологические указания для переводчиков. Их он изложил в записке к Священному синоду «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славенского переводов Священного Писания» (1845 год). Там он предложил своего рода компромисс: переводить еврейский текст, но дополнять и даже править перевод (в догматически значимых местах) в соответствии с Септуагинтой и церковнославянским.

Именно так и решено было поступить в царствование Александра II, когда началась подготовка собственно Синодального перевода Библии на русский язык.

6. Синод и Библия

У меня на полке стоит книга, изданная в 1876 году и озаглавленная очень просто: «Библия. Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта в русскомъ переводѣ». Чуть ниже добавлено: «По благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѣнода». Вот эту Библию, а также все ее переиздания, в том числе и с исправлениями, мы и называем Синодальной, она и по сей день остается главной национальной Библией, хотя появляются и новые переводы.

Как все-таки жаль, что в этом издании нет предисловия, где рассказывалась бы сложная история этого перевода и излагались принципы его создания! Всѣ, увы, приходится восстанавливать по тексту самой книги и вторичным источникам.

Итак, на заседании Синода по поводу коронации Александра II (1856 год) с подачи митрополита Филарета было принято решение возобновить перевод Библии на русский язык. Впрочем, это решение еще не привело к началу работы, ведь у проекта было немало противников. К их числу относился, к примеру, киевский митрополит Филарет Амфитеатров. Аргументация противников перевода практически не менялась со времен адмирала Шишкова: церковнославянский и русский суть разные стили одного языка, к тому же первый объединяет разные православные народы. «Если переводить на русское наречіе, то почему же не перевести потом на малороссийское, на белорусское и проч.!» – восклицал митрополит Филарет. Так оно, впрочем, со временем и случилось, но сегодня это уже никого не пугает.

Кроме того, широкое знакомство с библейским текстом могло, по его мнению, способствовать развитию ересей, как это и произошло на родине библейских обществ, в Англии. Вместо перевода предлагалось исправлять отдельные слова славянского текста и поголовно обучать народ церковнославянскому языку. Кстати, такое же решение предлагалось и для «инородцев», в отношении которых оно выглядело уж совсем утопично. Разделял эту позицию и обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой.

Спор двух митрополитов Филаретов, Московского и Киевского, стал предметом подробного обсуждения в Синоде, и в 1858 году он подтвердил решение двухлетней давности: «Перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей Священнаго Писанія необходим и полезен, но не для употребления в церквях, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священнаго Писанія. К переводу сему должно приступить со всевозможной осмотрительностью через лиц, испытанных в знании еврейскаго и греческаго языков, по избранию и утверждению Святѣйшаго сѣнода».

Император согласился с этим решением. В результате в четырех Духовных академиях (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской), которым и было поручено это начинание, были созданы свои переводческие комитеты. Их труды утверждались епархиальными архиереями и затем Синодом, который полностью посвящал этому делу один из трех своих присутственных дней. Затем свою редактуру вносил митрополит Филарет, который фактически был главным редактором этого перевода и посвятил работе над ним последние годы своей жизни (он скончался в 1867 году). Наконец текст окончательно утверждался Синодом.

За основу были приняты уже существующий перевод Нового Завета и подготовленные тексты Ветхого, но все они подвергались самым серьезным исправлениям, так что фактически нужно говорить о появлении нового перевода, а не просто о редакции старых.

Таким образом, в 1860 году было издано Четвероевангелие, а в 1862 году Новый Завет. Разумеется, это был новый перевод, ощутимо отличавшийся от изданий начала века. При подготовке Ветхого Завета использовались как уже существующие переводы Глухарева, которые были серьезно отредактированы, так и заново подготовленные тексты. С 1868 по 1875 год публиковались отдельные сборники ветхозаветных книг. Работа велась в полном соответствии с

принципами, изложенными в докладной записке митрополита Филарета: переводить Ветхий Завет с еврейского текста, но при этом дополнять его вставками из греческого перевода, а также сверяться со славянским, особенно в догматически значимых местах. Такое компромиссное решение должно было удовлетворить строгих критиков... хотя, кажется, их уже ничего удовлетворить не могло.

В результате возник свой, особенный тип текста, эклектически сочетавший элементы еврейского и греческого текста, причем греческие вставки были помечены скобками. Мы читаем в книге Бытия буквально следующее: «Адам жил сто тридцать (230) лет, и родил (сына) по подобию своему (и) по образу своему, и нарек ему имя Сиф». От первого издания и до наших дней сохраняются эти скобки, включая явные расхождения в числах.

Правда, протестанты, начиная с 1882 года, в своих изданиях стали опускать всё, что приводилось в скобках (включая и те, которые использовались как знаки препинания), но и это не привело к появлению перевода, полностью идентичного еврейскому тексту, ведь во многих случаях влияние греческого или славянского проявилось на уровне интерпретаций. Например, еврейский текст гласит, что Бог завершил Сотворение мира в седьмой день. Как же так, ведь это уже был день покоя? И Септуагинта поправляет: в шестой. А в Синодальном читаем: «И совершил Бог к седьмому дню все дела Свои, которые Он делал». Числительное «седьмой» взято из еврейского текста, но смысл скорее соответствует греческому: дескать, никаких трудов в сам седьмой день уже не было.

Что касается Нового Завета, тут всё было значительно проще: за основу был взят традиционный византийский вариант текста, который, с небольшими отличиями, был известен и на западе (т. н. *Textus Receptus*, то есть «общепринятый текст»), и на востоке христианского мира. За основу были взяты западные издания, а слова, присутствовавшие в церковнославянском, но отсутствовавшие в этих изданиях, также давались в скобках. Добавленные «для ясности и связи речи» слова были выделены курсивом.

Так возникла наша национальная Библия, такой она и остается с минимальными изменениями. В 1926 году Синодальная Библия была впервые напечатана в новой орфографии. Начиная с издания Московской патриархии 1956 года, подверглись незначительной правке устаревшие грамматические формы (например, «увидевши» заменялось на «увидев», а «лицем» на «лицом»). Более существенных исправлений не было.

А зря, в этом переводе многое нуждается в правке. О стилистике сейчас говорить не будем, лишь о точности и последовательности. История и в особенности предыстория Синодального перевода была слишком сложной и долгой, его появление определялось скорее церковно-политическими спорами, чем научными дискуссиями, над ним работало слишком много разных людей, и результат оказался достаточно противоречивым и непоследовательным. Нередко возникает путаница в терминах, даже в именах собственных: в исторических книгах Ветхого Завета один и тот же город называется то Екрон, то Аккарон, и пойдя угадай, что город один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.